АЛКЕЙ и САФО

ПАМЯТНИКИ
МIРОВОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Сережѣ — прекраснѣйшему изъ князей

Марина

Москва, 18го мая 1911 г.

Я нѣгу люблю,
Юность люблю,
Радость люблю
И солнце…

Сафо.

ПАМЯТНИКИ МІРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

АЛКЕЙ И САФО

ПѢСНИ И ЛИРИЧЕСКІЕ ОТРЫВКИ

АЛКЕЙ и САФО

СОБРАНІЕ

ПѢСЕНЪ и ЛИРИЧЕСКИХЪ ОТРЫВКОВЪ

ВЪ ПЕРЕВОДѢ

РАЗМѢРАМИ ПОДЛИННИКОВЪ

ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА

СО ВСТУПИТЕЛЬНЫМЪ ОЧЕРКОМЪ

ЕГО-ЖЕ

МОСКВА

ИЗДАНІЕ М. и С. САБАШНИКОВЫХЪ

1914

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., соб. д.
МОСКВА—1914.

АЛКЕЙ И САФО

ВСТУПИТЕЛЬНЫЙ ОЧЕРКЪ

I.

На эолійскомъ Лесбосѣ, къ исходу VII столѣтія до Р. Х., вспыхнула въ эллинствѣ лирика, впервые близкая лирикѣ новыхъ временъ: художественная пѣсня-признаніе, мелодическое изліяніе думъ и чувствъ личности, умѣющей сдѣлать свое душевное волненіе музыкальнымъ волненіемъ, и всеобщею духовною цѣнностью—то̀, какъ она, эта отдѣльная личность, по-своему, страдаетъ и радуется, кручинится и гадаетъ о желанномъ, томится и наслаждается, ненавидитъ и любитъ, особенно—какъ она любитъ...

Правда, личныя признанія, исполненныя лиризма, мы встрѣчаемъ и раньше—въ поэзіи элегической; но элегія не была пѣсней. Правда, великій Архилохъ паросскій, не даромъ сочетаемый древностью съ Гомеромъ въ двуликихъ гермахъ, въ ознаменованіе равныхъ правъ на званіе родоначальника эллинской поэзіи, отецъ художественнаго іамба, т.-е. поэти-

ческой рѣчи,—какъ изъ устъ божественнаго слѣпца, впервые въ художественной завершенности и съ цѣлями художественными, прозвучали „гексаметра священные напѣвы“, — огненный и желчный Архилохъ, въ противоположность безстрастному и безликому аэду, прежде всего—поэтическая личность. Но только у митиленскаго гражданина Алкея и у митиленской гражданки Сафо на островѣ Лесбосѣ самоощущеніе личности стало „мелосомъ“ — мелодіей, — и индивидуальная душа затосковала и запѣла — въ ту эпоху, когда выступалъ на площади хоръ, еще чуждый порѣ эпическаго творчества, и, многоустымъ напѣвнымъ словомъ и согласованными стройными движеніями славя боговъ и героевъ, и доблестныхъ гражданъ, и угодившихъ народу градовладыкъ, открывалъ просторъ лирическому самоопредѣленію всенародной громады.

II.

Откуда же родилась новая, личная лирика? Какъ всякая отдѣльная отрасль эллинскаго художества, выросла и она изъ религіозныхъ корней. Не напрасно слылъ Лесбосъ островомъ священнымъ. Туда, отъ устьевъ ѳракійскаго Стримона, приплыла по морю голова растерзаннаго мэнадами Орфея, божественнаго первоапостола Музъ въ эллинствѣ и пѣснопѣвца-чудотворца, вмѣстѣ съ его лирою, и тамъ, хранимая во святилищѣ Діонисовомъ, пророчествовала. Съ тѣхъ поръ, по словамъ александрійскаго элегика Фанокла,—

Пѣсня и струнные звоны наполнили сладостно островъ,
И музыкальнѣй съ тѣхъ поръ въ мірѣ не стало страны.

Съ Лесбоса приноситъ на материкъ Эллады Терпандръ свои архаически-строгіе „номы", важные литургическіе напѣвы и молитвословія, въ родѣ того, приписаннаго ему преданіемъ, что̀ славословитъ Зевса исключительно долгими слогами, коихъ торжественную силу еще возвышало протяжное пѣніе:

Зевсъ, ты—всѣхъ дѣлъ верхъ!
Зевсъ, ты—всѣхъ дѣлъ вождь!
Ты будь сихъ словъ царь;
Ты правь мой гимнъ, Зевсъ!

И тотъ же Терпандръ уже не довольствуется прежнею четырехструнною киѳарою, но изобрѣтаетъ новую, семиструнную:

Мало намъ струнъ четырехъ; разлюбили мы ладъ
стародавній:
Ты седмизвучной киѳары прими новозданные гимны!

Тѣнь Орфея склонялась надъ колыбелью лесбійской мелики, и она,—какою мы знаемъ ее изъ пощаженныхъ временемъ остатковъ десяти, по крайней мѣрѣ, книгъ Алкея и девяти Сафо,—не только вся проникнута религіознымъ чувствомъ, но частію и прямо пріурочена къ потребностямъ культа—въ видѣ гимновъ, слагаемыхъ тѣми же свѣтскими пѣвцами, въ ихъ обычной манерѣ, для праздничныхъ богослуженій. Лирическое признаніе естественно выливается у нихъ въ обращеніе къ богамъ, и для любовныхъ жалобъ Сафо не находитъ луч-

шей наперсницы, чѣмъ сама Афродита. Поэтическая школа, руководимая поэтессою, существуетъ въ городѣ на правахъ религіозной общины.

III.

Другимъ корнемъ личной лирики, и притомъ самымъ глубокимъ и жизненнымъ, должно признать народную пѣсню: художественный мелосъ — естественное развитіе этой послѣдней. Сфера религіозная, съ ея гимническимъ тономъ и праздничнымъ великолѣпіемъ, съ ея широтой міробъемлющаго кругозора и неисчерпаемымъ богатствомъ всѣми радугами просвѣченнаго миѳа, только преображаетъ самородное произростаніе племенной души, творя изъ скромныхъ цвѣтовъ шиповника благоухающую розу: она углубляетъ первоначальное заданіе простодушной пѣсни, совершенствуетъ, усложняетъ и облагораживаетъ ея формы, и впервые дѣлаетъ ее искусствомъ въ эллинскомъ—классическомъ—смыслѣ этого слова.

Немногіе образцы древней безыскусственной пѣсни, случайно до насъ дошедшіе, принадлежатъ къ роду пѣсни обрядовой; но съ вѣроятностью можно предположить существованіе и другихъ родовъ, другого запѣва, гдѣ свободнѣе могли изливаться раздумье, печаль и радость единичной, особенно женской души. Какъ-разъ изъ эпохи Алкея и Сафо сохранился отрывокъ лесбійской пѣсенки, которую пѣли женщины, меля зерно ручными жерновами, — типическій

примѣръ музыкальнаго сопровожденія работы (по нашему мнѣнію, первоначально заговорнаго),—при чемъ мы можемъ наблюдать, ка́къ такая пѣсня живетъ и принимаетъ въ свой составъ отголоски новыхъ событій:

Мели, мельница, мели!
Митиленской царь земли,
За двоихъ Питтакъ мололъ,
А помолу взялъ — престолъ.

Эолійское племя отличалось отъ другихъ эллинскихъ задушевностью и музыкальностью, рыцарскимъ духомъ, нашедшимъ себѣ выраженіе въ до-гомеровскихъ пѣсняхъ-былинахъ, и тою смѣсью меланхолической задумчивости и порывистой страстности, какая еще такъ чувствительна въ гомеровскомъ, іонійскомъ начертаніи Ахиллова характера. Говоръ прямодушнаго племени, пѣвучій и ритмически-гибкій, легко передающій оттѣнки ласки, улыбчивость нѣжности и вообще колоритъ душевныхъ чувствованій, былъ предрасположенъ къ звонко-распѣвному складу.

Вліяніе народной пѣсни особенно замѣтно въ лиризмѣ и стилѣ Сафо. Такъ, ея эпиѳаламы — лишь искусственно усовершенствованныя свадебныя славы, коихъ старинные запѣвы и обрядовые обороты онѣ удержали,—какъ и повсюду, у эолійскихъ меликовъ, то и дѣло слышатся отголоски или заплачки, или заговора, или загадки и присказки,—и то здѣсь, то тамъ вдругъ промерцаетъ отдаленнымъ маревомъ символическій пѣсенный образъ.

IV.

Алкей и Сафо, оба признаваемые за величайшихъ мастеровъ мелической поэзіи, въ представленіи древнихъ нераздѣлимы. Совмѣстно изображались они, уже въ раннюю эпоху, и на аттическихъ вазахъ. Современники и сограждане, притомъ члены одной политической партіи, аристократы оба, не чужими другъ другу людьми были они и въ частной жизни. Алкей воспѣваетъ Сафо тономъ влюбленнаго. Сафо, по преданію, подтверждаемому Аристотелемъ, отклонила его ухаживанье; въ стихахъ о нечистомъ помыслѣ, не позволяющемъ человѣку выражаться прямо, усматривали древніе суровую отповѣдь, обращенную къ Алкею. Но и по духу и тону своей поэзіи оба лирика, при совершенной самобытности каждаго, взаимно восполняютъ одинъ другого, какъ мужественное начало восполняется женственнымъ.

Это эстетическое соотношеніе ощутительно сказывается въ родственности и противоположности изобрѣтенной (или только излюбленной) каждымъ, въ одномъ и томъ же родѣ логаэдическихъ метровъ, основной строфы. Насколько Алкеева строфа (срв., напр., стихотвореніе „Буря“) мужественно энергична и свободно выразительна въ пластическомъ строѣ своего музыкальнаго движенія, воинственно ускоряющагося (въ третьей строкѣ) и потомъ какъ-бы застывающаго въ жестѣ горделиваго и увѣреннаго спокойствія, — настолько „сафическая“ строфа (срв. „Гимнъ къ Афродитѣ“,

„Любовь“) нѣжна и умильно-напѣвна, ритмически движется, какъ-бы окутанная складками длинныхъ одеждъ, съ какою-то граціозною сдержанностью, и замыкается сладкимъ лирнымъ вздохомъ—припѣвомъ женскихъ плачей надъ умершимъ Адо́нисомъ („никнетъ Адо́нисъ!—нѣжный Адо́нисъ!“).

При общемъ, какъ бы природномъ и братскомъ сходствѣ, оба поэта и ярко различествуютъ, какъ лирическіе характеры. Горацій, гордый тѣмъ, что первый „на голосъ эолійскій свелъ пѣснь Италіи“, находитъ для изображенія Алкея такія слова въ своемъ гимнѣ къ Лирѣ (Оды, I, 32):

На твоихъ струна̀хъ — гражданинъ лесбійскій —
Встарь Алкей бряцалъ, и съ тобой отъ битвы,
Пылкій, отдыхалъ, и съ тобой отъ бури,
            Въ пристани тихой,
Привязавъ корабль, что̀ кидали волны;
Ты его словамъ отвѣчала, Лира,
Онъ же Вакха пѣлъ, и любовь, и Лика
            Черныя очи.

А о Сафо тотъ же Горацій вспоминаетъ такъ (Оды, IV, 9):

... Дышитъ доселѣ страсть,
И не угасъ огонь, зажженный
Въ стру́нахъ живыхъ эолійской дѣвой.

Въ Элисіи, мнится ему, онъ встрѣтитъ по смерти обоихъ великихъ своихъ предшественниковъ (Оды, II, 13):

Едва я доловъ темной Прозе́рпины
И судіи не узрѣлъ загробнаго,
        И мѣстъ, святымъ въ обитель данныхъ,
    Гдѣ на струна́хъ эолійскихъ Са́фо

Стремитъ къ подругамъ нѣжныя жалобы,
Но полнозвучнѣй плектромъ златымъ, Алкей,
Ты на мужской гремишь киѳарѣ,
Бури пѣвецъ и невзгоды бранной!

Обсталъ обоихъ, съ благоговѣніемъ,
Священнымъ лирамъ внемля, соборъ тѣней;
Но жаднымъ ухомъ пьетъ тѣснѣе
Сомкнутый сонмъ — пѣснь меча и воли.

Эти строки имѣетъ въ виду Овидій, когда въ измышленномъ имъ посланіи Сафо къ легендарному Фаону, влагаетъ въ уста поэтессы слѣдующее сопоставленіе:

Мнѣ жъ касталійскія сестры изящныя пѣсни внушаютъ,
Весь понимающій міръ славою полонъ моей.
Даже Алкей не славнѣе меня, мой землякъ и сподвижникъ,
Хоть и грознѣе напѣвъ лиры мятежной его [1]).

Алкей, по приговору древнихъ судей поэзіи, сочетаетъ съ величіемъ, краткостью и убѣдительною силою выраженія сладкозвучіе и ясное изящество поэтической формы [2]). Одинъ изъ самыхъ музыкальныхъ поэтовъ, онъ превосходитъ другихъ мужественною смѣлостью лирическаго тона, переходящею порой въ чрезмѣрную рѣзкость и полемическій задоръ [3]). Буйственный пылъ его „пѣсенъ Возстанія“ и про-

---

[1]) Овидій, „Баллады-Посланія“, перев. Ѳ. Ф. Зѣлинскаго, стр. 196 („Памятники Міровой Литературы“). Остальныя поэтическія выдержки приведены въ нашемъ переводѣ.

[2]) Dionys. Hal., vet. scr. cens. 2, 8. Срв. Quintil. X, I, 63.

[3]) Athen. XIV, p. 627 A.

славленіе вина въ пиршественныхъ пѣсняхъ подали поводъ къ легендѣ, что онъ, — какъ и Эсхилъ, вдохновенный священнымъ безуміемъ,—слагалъ свои стихи въ состояніи опьяненія.

Сафо, по сужденію древнихъ, сладостна; съ чарующею граціей поетъ она о красотѣ и любви, веснѣ и гальціонахъ; нѣтъ такого плѣнительнаго и нѣжнаго слова, какое не было бы воткано въ ея поэзію [1]). Для поэтовъ антологическихъ она — „десятая муза". Солонъ сказалъ, что не хотѣлъ бы умереть, не услышавъ новыхъ ея пѣсенъ, дотолѣ ему неизвѣстныхъ. Она несравненна, по мнѣнію античныхъ цѣнителей, ни съ кѣмъ изъ поэтовъ по разлитой въ ея стихахъ умильной прелести, „Харитѣ", — какъ несравненна и по глубинѣ страстности, когда говоритъ о любви. Тогда,—замѣчаетъ Плутархъ [2]),—„ея пѣснь звучитъ, какъ бы смѣшанная съ огнемъ, и дышитъ всѣмъ жаромъ пламенѣющаго сердца".

V.

Эти сужденія, съ тою тонкою и отчетливою опредѣлительностью, какая отличаетъ античную критику и является плодомъ долгой и преемственной разработки единаго художественнаго канона, отмѣчаютъ особенности лирическаго дарованія Алкея и Сафо. Едва ли что необходимо приба-

---

[1]) Demetr. Phal., de eloc. 167.
[2]) Plut. erot. 762 f.

вить къ этимъ сужденіямъ; сама поэтическая передача пѣсенъ обоихъ поэтовъ, если она въ нѣкоторой мѣрѣ созвучна подлинникамъ, договоритъ читателю остальное. Алкея она должна показать художникомъ слова, соединяющимъ пламенность темперамента съ тою быстротою, прямотою и ясностью поэтическаго узрѣнія и выраженія, высокій образецъ которой мы имѣемъ въ твореніяхъ Пушкина, поэта какъ бы античнаго по прозрачности воздуха, въ какомъ купаются изображаемые имъ предметы, по его любви ко всему вещественному и осязательному, по безпристрастной точности его чисто реалистическаго взгляда, только обостряемаго, а не затуманиваемаго лиризмомъ настроенія, по изящной свободѣ своенравнаго выбора тѣхъ вещей изъ круга наблюденія, привлеченіе коихъ въ составъ пѣсни впервые сообщаетъ лирическому мгновенію жизненное и, слѣдовательно, истинно поэтическое и поэтически-дѣйственное полнозвучіе.

Сафо не иными, чѣмъ Алкей, глазами смотритъ на міръ; и она—представительница классическаго реализма въ поэзіи; но психологическое преобладаетъ у нея надъ внѣшнимъ, вслѣдствіе душевной ея утонченности и сложности. Во внѣшнемъ же душа ея, сильная и ласковая, не устаетъ открывать прекрасное и плѣнительное; и эта красота—не обольщеніе, а всегда открытіе ея зоркой влюбленности. Поистинѣ, всегда влюблена она—въ солнце и въ юность, въ цвѣты и въ звѣзды, но больше всего—въ божественный ликъ человѣка. Быть можетъ, кое-гдѣ примѣшивается къ ея лирикѣ элементъ условности, общепринятый украшающій эпитетъ и

лишь нарядно красивый или галантный оборотъ: какъ руководительница поэтической школы, она не могла не развивать опредѣленной художественной манеры. Но эта слишкомъ осторожная оговорка оправдывается, при вниканіи въ сохранившіеся отрывки, только въ ничтожной мѣрѣ. Почти вездѣ, напротивъ, приковываетъ вниманіе и завладѣваетъ нашимъ участіемъ геніальная неожиданность подхода къ изображаемому явленію, необычайная по остротѣ и цѣльности сила чувства и мысли. Столь женственное въ наружныхъ его формахъ творчество Сафо, по напечатлѣвшемуся на немъ уму и характеру творческой личности, по энергіи и глубинѣ захвата, скорѣе—„мужественно“ („mascula Sappho“ называетъ поэтессу Горацій), — какъ мы привыкли выражаться, забывая, что именно глубина и цѣлостность отношенія къ переживаемому свойственны естественно и мощно развившейся женской природѣ. Сангвиническая страстность легко возбудимаго Алкея не можетъ мѣриться, по внутреннему напряженію и сосредоточенному жару, съ тою страстностью, которая дѣлаетъ эротическую лирику Сафо исключительною во всемірной поэзіи, поскольку рѣчь идетъ объ изображеніи любовнаго томленія и алканія; развѣ въ „Пѣсни Пѣсней“ можно найти такіе же вздохи желаній. Но — что̀ особенно примѣчательно—личность Сафо, подверженная такимъ пароксизмамъ страсти, есть личность не только внутренне уравновѣшенная и гармоническая, благодаря необычайно стройному ритму ея духовнаго существа, но и во внѣшнемъ бытіи глубоко послѣдовательная, независимая,

вѣрная себѣ и всецѣло проникающему ее и ей прирожденному закону правдивости, великодушія, благочестія, простоты и свободы.

VI.

Эта противоположность лирическихъ характеровъ сказывается и въ жизни обоихъ поэтовъ. Алкей не вноситъ въ свою подвижную и преданную страстямъ жизнь никакого руководящаго начала. Онъ аристократъ и заговорщикъ противъ выставленныхъ демократіей тиранновъ (Меланхрой, Мирсилъ), потому что такова среда, гдѣ онъ родился, таковъ общественный кругъ, которому онъ принадлежитъ. Этотъ свой воинствующій аристократизмъ онъ не ищетъ оправдать и сословною идеологіей, подобно Ѳеогниду, обостряющему ее до любопытныхъ мыслей о расовомъ подборѣ въ духѣ нашего старшаго современника—Ницше.

Однако, Алкей несомнѣнно патріотъ и храбро сражается за интересы родного острова съ аѳинянами, хотя, по роковой случайности, и теряетъ въ битвѣ щитъ, что̀, впрочемъ, съ легкой руки Архилоха, лирическіе поэты (вспомнимъ бѣгство Горація) уже не считаютъ зазорнымъ воспѣвать въ одахъ. Все же Алкеевъ щитъ достался въ добычу не какимъ-то дикимъ ѳракійцамъ, какъ щитъ Архилоховъ, а былъ подобранъ аѳинянами и выставленъ съ другими трофеями въ сигейскомъ храмѣ Аѳины. Алкей, по свидѣтельству Геродота, сообщилъ о своей бѣдѣ изъ лагеря въ Митилену

другу Меланиппу въ лирическомъ посланіи, искаженная цитата изъ котораго у Страбона даетъ, въ гадательномъ возстановленіи, такую приблизительно строфу:

Моимъ повѣдай: самъ уцѣлѣлъ Алкей,
Доспѣхи жъ взяты. Ворогъ аттическій,
Кичась, повѣсилъ мой завѣтный
Щитъ въ терему совоокой Дѣвы.

Въ воинственномъ молодечествѣ и любви къ приключеніямъ не было вообще недостатка у людей этого типа и общества; и если братъ Алкея, Антименидъ, отличился чрезвычайными подвигами на службѣ у вавилонянъ при Навуходоносорѣ, то и самъ Алкей проводитъ годы политическаго изгнанія въ чужихъ краяхъ,—въ Египтѣ, гдѣ фараонъ Псамметихъ навербовалъ себѣ эллинскую вольницу, и во Ѳракіи,—въ роли сотника наемныхъ войскъ.

До какой степени простая справедливость была ему чужда, видно изъ его слѣпой и по-Архилоховски отравленной брани на Питтака, героя-мудреца, который, умиривъ, въ качествѣ эсимнета, гражданскія междоусобія и устроивъ родину, сложилъ врученную ему народомъ диктатуру и тиранномъ не сталъ, а по отношенію къ самому Алкею проявилъ личное великодушіе, открывъ изгнаннику возможность возврата на родину знаменитымъ рѣшеніемъ по его дѣлу: „Прощеніе сильнѣе мести“. Потомство выбило на одной монетѣ портреты Питтака и Алкея: такъ миритъ славныхъ смерть! Послѣдніе годы жизни Алкеевой протекли, повидимому, на родинѣ, въ мирныхъ нѣгахъ.

VII.

Только изслѣдованія прошлаго вѣка (между коими особливо надлежитъ помянуть работы Велькера) и новѣйшія открытія поэтическихъ текстовъ Сафо представили наконецъ ея жизнь и личность въ правильномъ освѣщеніи, послѣ того какъ, за болѣе чѣмъ двадцать столѣтій, память ея застилалась романтическою легендою и омрачалась нелѣпою сплетнею, плодомъ досужаго творчества преимущественно поздней аттической комедіи.

Нынѣ мы знаемъ, что Сафо,—по-эолійски Псапфа,—дочь Скамандронима—носителя аристократическаго имени—и Клеиды, родившаяся, вѣроятно, въ Эресѣ на Лесбосѣ и лишь впослѣдствіи поселившаяся въ столицѣ острова—Митиленѣ, супруга нѣкоего богача и нѣжная мать золотокудрой дѣвочки, Клеиды, будучи одною изъ матронъ города, пользовалась не только литературною извѣстностью, но и общественнымъ почетомъ и вліяніемъ. Что голосъ ея многое значилъ во мнѣніи гражданъ, можно заключать изъ исторіи съ ея братомъ, Хараксомъ, чье поведеніе ее компрометтируетъ и чью пошатнувшуюся репутацію она, какъ кажется, благополучно возстановляетъ. Ода къ брату написана по случаю возвращенія Харакса изъ Египта, гдѣ онъ запутался было въ сѣтяхъ одной гетэры; другой братъ поэтессы, Ларихъ, занималъ почетное мѣсто въ митиленскомъ Пританеѣ.

То же явствуетъ и изъ ея политическаго бѣгства въ Сицилію (повидимому, около 592 г.), обусловленнаго торжествомъ демократической партіи; и о томъ же свидѣтельствуетъ ея начальствованіе надъ женскимъ музическимъ ѳіасомъ—„домомъ Музъ“—при святилищѣ Афродиты. Независимость женщинъ на Лесбосѣ и самое существованіе этого уважаемаго учрежденія были, повидимому, наслѣдіемъ древнѣйшихъ гинекократическихъ формъ мѣстнаго общественнаго уклада, постепенно смываемыхъ перемѣнами въ бытѣ и ростомъ демократіи.

VIII.

Какъ настоятельница дѣвичьей религіозной общины и вмѣстѣ глава художественной школы, Сафо должна была одновременно развивать воспитательную и академическую дѣятельность. Въ ея институтъ-„монастырь“ для благородныхъ дѣвицъ присылались богатыя дѣвушки изъ разныхъ мѣстъ колоніальной и островной Греціи. Пріобрѣтя въ этомъ высшемъ учебномъ заведеніи утонченное образованіе, усовершенствовавшись въ музыкѣ и поэзіи, онѣ возвращались въ семьи или выходили замужъ. Время прохожденія курса искусствъ дѣлилось между отправленіемъ культа общины, музыкальными и поэтическими занятіями, домашними забавами и увеселеніями, часто принимавшими видъ интимныхъ пиршествъ, и появленіями въ свѣтскомъ обществѣ, особенно на религіозныхъ празднествахъ и свадебныхъ торжествахъ,

гдѣ ѳіасъ выступалъ исполнителемъ слагаемыхъ имъ на случай религіозныхъ гимновъ и обрядовыхъ пѣсенъ. Усвоеніе изящныхъ манеръ было одною изъ задачъ школы,—недаромъ на Лебосѣ устраивались состязанія женщинъ въ красотѣ,—обычаемъ же ея—отчасти условный, а порою и глубоко подлинный эротизмъ, соединявшій содружество крѣпкою связью сентиментальной привязанности и, повидимому, казавшійся плодотворнымъ для разработки художественныхъ формъ того обособленнаго рода лирики, которому посвящала себя эта академія Музъ и Афродиты.

По обращеніямъ Сафо къ ея молодымъ сожительницамъ можно видѣть, какъ своеобразно сочетала она въ обиходѣ общины сердечность и интимность старшей подруги съ требовательностью и строгостью высокой наставницы. Она равно умѣетъ нѣжно ласкать и лелѣять своихъ воспитанницъ, окружить ихъ жизнь усладами и проникнуть ее поэзіей, какъ и одобрить похвалой успѣвающую и даровитую ученицу или горько упрекнуть нерадивую и косную,—какъ и могучимъ призывомъ уже скорѣе геніальнаго мастера, нежели мудраго педагога, оживить въ молодыхъ любовь къ къ искусству, властно потребовать отъ нихъ крыльевъ восторга и настоящаго духовнаго подъема. Въ основу же всего воспитанія заложена прочная и повсюду чувствуемая, хотя и не выражаемая въ опредѣленныхъ правилахъ, система чистыхъ и благоговѣйныхъ понятій о божествѣ, ощущаемомъ внутренне и живо, и столь же чистыхъ понятій о добрѣ, какъ лучшемъ видѣ красоты, о правдѣ, какъ все-

общемъ и коренномъ началѣ божественнаго и человѣческаго жизнестроительства, о святости отеческихъ установленій, о сердечномъ цѣломудріи, о чести и благородствѣ души. Однимъ словомъ, передъ нами примѣръ чисто эллинскаго пониманія воспитательной задачи, какъ задачи религіозно-нравственной, художественной и эротической вмѣстѣ: ибо немыслимо для эллина художество безъ боговъ и правды, какъ невозможно оно и безъ влюбленности художника въ возникающую подъ его перстами гармоническую форму.

Жизнь Сафо представляется стройной и строгой; на всемъ отпечатлѣнъ ея непорочный, цѣльный духъ. Она осуществляла труднѣйшее: никогда страсть не оказывалась сильнѣе ея воли, никогда геній не преобладалъ надъ нравственнымъ характеромъ.

IX.

Еще далекъ былъ культурный расцвѣтъ собственной Греціи, еще и гроза персидскихъ войнъ не надвигалась,—а на музыкальномъ Лесбосѣ уже распустилась во всей своей красотѣ и нѣгѣ эллинская роза. Недолго длился этотъ золотой вѣкъ мелической лиры: вскорѣ услышатъ потомъ родной Теосъ, Самосъ и еще архаическія Аѳины легкія, благоуханныя, но уже условно изысканныя пѣсни Анакреонта,—и, наконецъ, мелика этого рода отойдетъ невозвратно въ минувшее, хотя и вспыхнетъ еще послѣднимъ отраженнымъ отблескомъ въ тепличной поэзіи александрійскаго вѣка. Да и слишкомъ быстро текла, слишкомъ стремительно

развертывалась эллинская жизнь, чтобы могли быть длительными послѣдовательные періоды ея столь полнаго, столь пышнаго цвѣтенія по отдѣльнымъ областямъ эллинскаго міра, по отдѣльнымъ сферамъ эллинскаго творчества.

Въ самомъ кругѣ изучаемой поэзіи мы видимъ заразъ данными всѣ противоположности ускореннаго историческаго роста: еще свѣжи старыя преемственныя формы, а между ними, какъ новые сильные ростки, пробиваются начатки иныхъ формъ. Общественный укладъ смѣняется на нашихъ глазахъ другимъ порядкомъ; простота быта споритъ съ волной изнѣженной роскоши, не устающей бить объ островныя скалы съ малоазійскаго побережья; вѣрность роднымъ мѣстамъ борется съ центробѣжнымъ стремленіемъ въ чужіе, богатые края. Ученицы Сафо одновременно должны помнить народныя пѣсни и искусно волочить складки драгоцѣнной восточной столы, сочетать самородную напѣвность эолійскаго склада съ искусственнымъ изяществомъ стилистическихъ фигуръ и ритмическихъ каноновъ. Одно еще остается незыблемымъ и нетронутымъ въ этой пестротѣ и тѣснотѣ переходной эпохи: вѣра въ боговъ и живая приверженность отеческому богопочитанію. У Анакреонта эта религіозность уже замѣтно остынетъ, Діонисъ будетъ понятъ у́же и поверхностнѣе, Эросъ станетъ подозрительно шаловливъ.

Съ грустнымъ чувствомъ проходитъ историкъ мимо этихъ мгновеній сложнаго, но глубоко-стройнаго историческаго полнозвучія. Онъ, и вглядываясь въ прошлое, соблазняется,

забывшись, воскликнуть мгновенію: „Остановись, прекрасно ты! постой!“ Но вѣщія сестры, неугомонныя, все прядутъ да прядутъ, обрѣзая адамантовыми ножницами остаточную пряжу. И неумолимая губка Судьбы, по слову Эсхиловой Кассандры, стираетъ человѣческія письмена. Будемъ же благодарны Судьбѣ за то, что она пощадила хотя немногое изъ тѣхъ довѣрчиво ввѣренныхъ мгновенію, но ставшихъ безсмертными знаковъ, которые провелъ на давно истлѣвшихъ табличкахъ грифель Алкея, грифель Сафо. Будемъ ей особенно благодарны за новый подарокъ папирусовъ изъ Оксиринха: они умножили прежнее собраніе четырьмя значительными по объему и высоко характерными стихотвореніями Сафо („На возвращеніе брата“, „Обиженной“, „Разлука“ и „Аттидѣ“). Тѣнь же великой можетъ быть утѣшена тѣмъ, что въ отдаленныхъ вѣкахъ, наконецъ, ея не оскорбляютъ болѣе безчестными выдумками и что свято исполняется донынѣ надежда, такъ скромно высказанная ею нѣкогда одной поэтической подругѣ:

Вспомнитъ со временемъ кто-нибудь, вѣрь, и насъ.

Вячеславъ Ивановъ.

АЛКЕЙ

Алкей.

ГИМНЫ БОГАМЪ

I.

КЪ АПОЛЛОНУ.

Когда родился Фебъ-Аполлонъ, ему
Златою митрой Зевсъ повязалъ чело,
И лиру далъ, и бѣлоснѣжныхъ
Далъ лебедей съ колесницей легкой.

Слалъ въ Дельфы сына—у Касталійскихъ струй
Вѣщать уставы вѣчные Эллинамъ.
Бразды схвативъ, возница гонитъ
Стаю на сѣверъ гипеборейскій.

Сложивъ хвалебный въ оные дни пэанъ,
Велятъ Дельфійцы отрокамъ, съ пѣніемъ
И пляской обходя треножникъ,
Юнаго звать въ хороводы бога.

Гостилъ годъ цѣлый въ Гипербореяхъ Фебъ—
И вспомнилъ храмъ свой. Лѣто горитъ: пора
Звучать треножникамъ дельфійскимъ.
Летъ лебединый на полдень клонитъ.

Сынъ отчій въ небѣ, царь Аполлонъ, гряди!
Бѣжитъ по лирамъ трепетъ. И сладостнѣй
Зарю встрѣчаетъ щокотъ славій.
Ласточки щебетъ звончѣй. Цикада

Хмельнѣй стрекочетъ, не о своей глася
Блаженной долѣ, но вдохновенная
Отъ бога пѣсенъ. Кастальійскій
Плещетъ родникъ серебромъ гремучимъ.

II.

КЪ ГЕРМІЮ.

Славься Гермій, царь на Киллен̂ѣ! Сердце,
Майи сынъ, тебя мнѣ велитъ возславить,
На святыхъ горахъ отъ Владыки міра
Тайно зачатый.

III.

КЪ АѲИНѢ.

Аѳина-дѣва, браней владычица!
Ты, что обходишь свой Коронейскій храмъ
По заливнымъ лугамъ священнымъ—
Тамъ, гдѣ потокъ Коралійскій плещетъ!

IV.

КЪ ЭРОТУ.

Всѣхъ силъ безсмертныхъ юный тотъ богъ страшнѣй,
Кого—богиня въ легкихъ сандаліяхъ—
От златокудраго Зефира
Радуга намъ родила, Ирида.

БРАНЬ И МЯТЕЖЪ

V.

БУРЯ.

Пойми, кто можетъ, буйную дурь вѣтровъ!
Валы катятся—этотъ отсюда, тотъ
Оттуда... Въ ихъ мятежной свалкѣ
Носимся мы съ кораблемъ смоленымъ,

Едва противясь натиску злобныхъ волнъ.
Ужъ захлестнула палубу сплошь вода;
Уже просвѣчиваетъ парусъ,
Весь продырявленъ. Ослабли скрѣпы.

Но—злѣйшій недругъ—голову выше всѣхъ
Гребней подъемля, новый чернѣетъ валъ,
Бѣду суля и трудъ великій,
Прежде чѣмъ въ гавань спасутъ насъ боги.

VI.

ЗАГОВОРЩИКАМЪ.

Мѣдью во́инской весь блеститъ,
Весь оружіемъ убранъ домъ—
Арею въ честь!

Тутъ шеломы, какъ жаръ, горятъ,
И колышатся бѣлые
На нихъ хвосты.

Тамъ мѣдяныя по́ножи
На гвоздяхъ поразвѣшены;
Кольчуги тамъ.

Вотъ и панцыри изъ холста;
Вотъ и полые, круглые
Лежатъ щиты.

Есть булаты халкидскіе,
Есть и поясъ, и перевязь:
Готово все!

Ничего не забыто здѣсь;
Не забудемъ и мы, друзья,—
За что взялись!

VII.

Мѣтитъ хищникъ царить,
Самовластвовать зарится.
Все вверхъ дномъ повернетъ,—
Накренились вѣсы. Чтò спимъ?

VIII.

Пить, пить давайте! Каждый напейся пьянъ!
Хоть и не хочешь,—пьянствуй!—Издохъ Мирсилъ!

IX.

Всенароднымъ судомъ
Отдали вы
Родину бѣдную,

Злополучный нашъ градъ,
Въ руки—кому жъ?
Родины пасынку!

Сталъ тираномъ Питтакъ,
Города врагъ,
Родины выродокъ.

X.

Ни грозящимъ кремлемъ
Не защититесь вы,
Ни стѣной твердокаменной:

Башни, града оплотъ,—
Бранники храбрые.

XI.

Прекрасна отъ Арея смерть.

XII.

КЪ БРАТУ АНТИМЕНИДУ.

Отъ предѣловъ земли
  Мечъ ты принесъ домой;
Рукоять на мечѣ
  Кости слоновыя,
Вся въ оправѣ златой.
  Знать, Вавилòнянамъ
Воинъ пришлый служилъ
  Доблестью эллинской!
Ставкой—жизнь. Чья возьметъ?
  И великана ты
Изъ царевыхъ убилъ,
  Единоборствуя,—
Чтò безъ малаго былъ
  Ростомъ пяти локтей.

ВИНО И ЛЮБОВЬ

XIII.

КЪ САФО.

Святая Са́фо!
Съ нѣжной улыбкой Са́фо!
Съ кудрями цвѣта
Темной фіалки, Са́фо!

Слетѣть готово
Съ устъ осмѣлѣвшихъ слово...
Но стыдъ промолвить
Мнѣ запрещаетъ слово!

XIV.

ЗИМА.

Дождитъ Отецъ-Зевсъ съ неба ненастнаго,
И вѣтеръ дуетъ стужею Сѣвера;
И стынутъ струйки дождевыя,
И замерзаютъ ручьи подъ вьюгой.

Какъ быть зимой намъ? Слушай: огонь зажги,
Да—не жалѣя—въ кубки глубокіе
Лей хмель отрадный, да теплѣе,
Пò-уши въ мягкую шерсть укройся.

XV.

ЗИМНЯЯ ПИРУШКА.

Будемъ пить! И елей
  Время зажечь:
Зимній недологъ день.

Расписныя на столъ,
  Милый, поставь
Чаши глубокія!

Хмель въ нихъ лей—не жалѣй!
  Далъ намъ вино
Добрый Семелинъ сынъ—

Думы въ кубкахъ топить...
  По два налей
Полные каждому!

Благо было бъ начать:
  Выпитъ одинъ,—
И за другимъ чередъ.

XVI.

Л Ѣ Т О.

Сохнетъ, други, гортань,—
        Дайте вина!
Звѣздный ярится Песъ.

Пекла лѣтняго жаръ
        Тяжекъ и лютъ;
Жаждетъ, горитъ земля.

Не цикада—пѣвецъ!
        Ей ни по чемъ
Этотъ палящій зной:

Все звенитъ, да звенитъ,
        Въ чащѣ вѣтвей,
Стрекотомъ жесткихъ крылъ,

Все гремитъ,—а въ лугахъ
Злою Звѣздой
Никнетъ сожженный цвѣтъ.

Вотъ пора: помирай!
Бѣсятся псы,
Женщины бѣсятся.

Мужъ—безъ силъ: изсушилъ
Чресла и мозгъ
Пламенный Сиріусъ.

XVII.

Къ чему раздумьемъ сердце мрачить, друзья?
Предотвратимъ ли думой грядущее?
Вино—изъ всѣхъ лѣкарствъ лѣкарство
Противъ унынья. Напьемся жъ пьяны!

XVIII.

Изъ душистыхъ травъ и цвѣтовъ пахучихъ
Ожерельями окружите шею,
И на грудь струей благовонной лейте
Сладкое мvро!

XIX.

Позовите мнѣ, други, пріятнаго сердцу Менона!
Безъ него же не весело мнѣ на попойкѣ веселой.

XX.

Гдѣ, любимый, вино,—
Знай: тамъ и правда.

XXI.

Вино—души людской зерцало.

XXII.

Первымъ ты насади
Въ новомъ саду
Корень хмельнóй лозы.

XXIII.

Въ дверь стучусь, ночной гуляка:
Отвори мнѣ, отвори!

XXIV.

Черплемъ изъ кубковъ мы
Нѣгу медвяную.
Съ нѣгой медвяною
Въ сердце вселяются
Ярaго бѣшенства
Оводы острые.

XXV.

Мнится: все бы намъ пить, да пить!
Сладко въ голову бьетъ вино,—
А тамъ—хоть плачь!

Тяжкимъ облакомъ ляжетъ хмель.
Въ мысляхъ—чадъ, на душѣ—тоска.
Себя коришь,

Сожалѣешь—не вѣсть о чемъ,
И веселый не веселъ зовъ:
„Ну, пей же! пей!“

XXVI.

ОТРОКУ.

На сѣдую главу—
	Буйная бѣдъ
Мало ль извѣдала?—

Лей мнѣ мѵро! На грудь,
	Въ космахъ сѣдыхъ,
Лей благовонное!

РАЗНЫЕ ОТРЫВКИ

XXVII.

Не изжить золъ,
Не избыть бѣдъ!
На роду, знать,
Молодой мнѣ
Горе мыкать!

XXVIII.

Помнятъ въ Спартѣ Аристодема
Крылатое слово: въ силѣ слово то.
Царь сказалъ: „Человѣкъ—богатство“.
Нѣтъ бѣдному славы, чести—нищему.

XXIX.

Ты киркой шевели,
Каменотесъ,
Бережно хрупкій пластъ:

Не осыпалъ бы съ кручъ
Каменный градъ
Буйную голову!

XXX.

Тяжкій вѣчно виситъ,
О Эсимидъ,
Камень надъ Та́нталомъ.

XXXI.

Кто сказалъ, что̀ желалъ,—
Что̀ и не радъ
Выслушать, выслушай!

XXXII.

Что за птицы? Изъ странъ,
        Гдѣ Океанъ
Плещетъ въ окрайный брегъ,

На широкихъ крылахъ
        Къ намъ принеслись
Пестрыя утицы.

XXXIII.

Шарахнулись, какъ птичья стая,
Мòлнiйный летъ запримѣтивъ орлiй.

XXXIV.

По когтю—льва.

САФО

Сафо.

ОДЫ

I.

ГИМНЪ АФРОДИТѢ.

Радужно-престольная Афродита,
Зевса дочь безсмертная, козноде̌йка!
Сердца не круши мнѣ тоской-кручиной!
Сжалься, богиня!

Ринься съ высей горнихъ,—какъ прежде было:
Голосъ мой ты слышала издалече;
Я звала—ко мнѣ ты сошла, покинувъ
Отчее небо!

Стала на червонную колесницу;
Словно вихрь, несла ее быстрымъ летомъ,
Крѣпкокрылая, надъ землею темной
Стая голубокъ.

Такъ примчалась ты, предстояла взорамъ,
Улыбалась мнѣ несказаннымъ ликомъ...

„Са́фо!“—слышу: „Вотъ я! О чемъ ты молишь?
Чѣмъ ты болѣешь?

„Что тебя печалитъ, и что безумитъ?
Все скажи! Любовью ль томится сердце?
Кто жъ онъ, твой обидчикъ? Кого склоню я
Милой подъ иго?

„Неотлученъ станетъ бѣглецъ недавній;
Кто не принялъ дара, придетъ съ дарами;
Кто не любитъ нынѣ, полюбитъ вскорѣ—
И безотвѣтно...“

О, явись опять—по молитвѣ тайной
Вызволить изъ новой напасти сердце!
Стань, вооружась, въ ратоборствѣ нѣжномъ
Мнѣ на подмогу!

II.

ЛЮБОВЬ.

Мнится мнѣ: какъ боги, блаженъ и воленъ,
Кто съ тобой сидитъ, говоритъ съ тобою,
Милой въ очи смотритъ и слышитъ близко
Лепетъ умильный—

Нѣжныхъ устъ!.. Улыбчивыхъ устъ дыханье
Ловитъ онъ... А я,—чуть вдали завижу
Образъ твой,—я сердца не чую въ персяхъ,
Устъ не раскрыть мнѣ!

Бѣдный нѣмъ языкъ, а по жиламъ тонкій
Знойнымъ холодкомъ пробѣгаетъ пламень;
Гулъ въ ушахъ; темнѣютъ, потухли очи;
Ноги не держатъ...

Вся дрожу, мертвѣю; увлажненъ пòтомъ
Блѣдный ледъ чела: словно смерть подходитъ...
Шагъ одинъ—и я, бездыханнымъ тѣломъ,
Сникну на землю.

III.

НА ВОЗВРАЩЕНІЕ БРАТА.

Ты, Киприда! вы, Нереиды-дѣвы!
Братній парусъ правьте къ отчизнѣ милой!
И путямъ пловца, и желаньямъ тайнымъ
Дайте свершенье!

Если прежде въ чемъ прегрѣшилъ,—забвенье
Той винѣ! Друзьямъ—утѣшенье встрѣчи!
Недругамъ—печаль... Ахъ, коль и враговъ бы
Вовсе не стало!

Пусть мой братъ сестрѣ не откажетъ въ чести,
Чтȍ воздать ей долженъ. Въ быломъ—былое!
Не довольно ль сердце мое крушилось
Братней обидой?—

Въ дни, когда его уязвляли толки,
На пирахъ градскихъ ядовитый ропотъ:

Чуть умолкнетъ молвь—разгоралось съ новымъ
Рвеньемъ злорѣчье.

Мнѣ внемли, богиня: утѣшь страдальца!
Странника домой приведи! На злое
Темный кинь покровъ! Угаси, что́ тлѣетъ!
Ты намъ ограда!

IV.

ОБИЖЕННОЙ.

. . . .
. . . .
Хмуришь бровь, на ласку мою не хочешь
Лаской отвѣтить.

И друзей лишаешь стиховъ прекрасныхъ,
Чтȍ подъ звучный строй семиструнной лиры
Расцвѣли бъ въ устахъ; на меня въ печали
Копишь обиду.

Горькой желчью ты про себя питаешь
Душный гнѣвъ. Внемли жъ: у меня ни злобы
Въ мысляхъ нѣтъ къ тебѣ, ни отравы въ сердцѣ;
Мира хочу я...

V.

РАЗЛУКА.

. . . .

Мнится, легче разлуки смерть,—
Только вспомню тѣ слезы въ прощальный часъ,

Милый лепетъ и жалобы:
„Са́фо, Са́фо! несчастны мы!
Са́фо! какъ отъ тебя оторваться мнѣ?“

Ей въ отвѣтъ говорила я:
„Радость въ сердцѣ домой неси!
Съ нею—память! Лелѣяла я тебя.

„Будешь помнить?.. Припомни все,
Невозвратныхъ утѣхъ часы,—
Какъ съ тобой красотой услаждались мы.

„Сядемъ вмѣстѣ, бывало, вьемъ
Изъ фіалокъ и розъ вѣнки,
Вязи вяжемъ изъ пестрыхъ первинъ луговъ,—

„Нѣжной шеи живой уборъ,
Ожерелья душистыя—
Всю тебя, какъ Весну, уберу въ цвѣты.

„Мѵромъ царскимъ волну кудрей,
Грудь обливъ благовоньями,
Съ нами ляжешь и ты—вечерять и пѣть.

„И прекрасной своей рукой
Пирный кубокъ протянешь мнѣ:
Хмель медвяный подругѣ я въ кубокъ лью“...

VI.

АТТИДѢ.

. . . . .

. . . .

Издалече, изъ отчихъ Сардъ,
Къ намъ стремитъ она мысль, въ тоскѣ желаній.

Что таить?
Въ дни, какъ вмѣстѣ мы жили, ты
Ей богиней была, одна!
Пѣснь твою возлюбила Аригнота.

Нынѣ тамъ,
Въ нѣжномъ сонмѣ лидійскихъ женъ,
Какъ Селена, она взошла—
Звѣздъ вечернихъ царицей розоперстой.

Въ часъ, когда
День угасъ, не одна ль струитъ
На соленое море блескъ,
На цвѣтистую степь луна сіянье?

Весь въ росѣ,
Благовонный дымится лугъ;
Розы пышно раскрылись; льютъ
Сладкій запахъ анисъ и медуница.

Ей же нѣтъ,
Бѣдной, мира! Всю ночь она
Въ домѣ бродитъ... Аттиды нѣтъ!—
И томитъ ее плѣнъ разлуки сирой.

Громко насъ
Кличетъ... Чуткая, ловитъ Ночь
И доноситъ изъ-за́ моря,
Съ плескомъ волнъ, непонятныхъ жалобъ отзвукъ.

ГИМНИЧЕСКІЕ ОТРЫВКИ

VII.

КЪ ЛИРѢ.

Оживись, о священная,
Спой мнѣ пѣснь, черепаха!

VIII.

ПРИЗЫВАНІЕ МУЗЪ.

Выше горъ златой храмъ.
Музъ соборъ святой, къ намъ!

IX.

(Приписано Сафо).

Муза, съ высоты золотого трона
Мнѣ напомни пѣснь, что въ землѣ Теосской,
Гдѣ прекрасны жены, сложилъ усладно
Лирникъ маститый!

X.

Не ты ль, Калліопа, сама...?

XI.

Нѣжныхъ Харитъ
Кличу семью,
Музъ пышнокудрыхъ кличу.

XII.

Васъ, Хариты, пою,
Дѣвы небесъ!
Розы запястья вамъ!

XIII.

ГИМНЪ ПРАВДѢ.

О, Правда! вплетать
Любо тебѣ
Зелень живую въ кудри,

И гибкія ты
Нѣжной рукой
Вѣтви кустовъ ломаешь.

Зане веселитъ,
Правда, тебя,
Въ кругѣ Харитъ блаженныхъ,

Весенній уборъ!
Кто жъ не вѣнча́нъ,
Тотъ не угоденъ вышнимъ.

XIV.

Изъ Фокеи тебѣ фаты,
Афродита, пурпурныя!
Ты честныхъ не отринь даровъ.

XV.

МОЛЕНІЯ АФРОДИТѢ.

Бѣлую козу принесу я въ жертву,
И на твой алтарь возліять я стану...

Я твои дѣла величала лирой;
Слава дѣлъ твоихъ мнѣ хвалу стяжала...

Дай, златовѣнечная Афродита,
Пó сердцу мнѣ вынуть желанный жребій!

XVI.

Въ златѣ приспѣшница
Блещетъ Афродиты.

XVII.

Что кличешь щедрую
Афродиту, Са́фо?

XVIII.

Разсказала свой сонъ
Са́фо Киприде̇.

XIX.

Афродита говоритъ:

Эросъ, прекрасный служитель мой.

XX.

ПИРШЕСТВЕННАЯ МОЛИТВА.

Кипръ ли твой престолъ, иль Пафо́съ, Панормъ ли,—
Къ намъ, на пиръ подругъ, низойди, Киприда,
И сама разлей въ золотыя чаши
Нектаръ небесный,

Растворенъ весельемъ и легкой нѣгой...

XXI.

ПЛАЧЪ ПО АДОНИСУ.

Что, Киприда, творить
Намъ повелишь?
Никнетъ Адо́нисъ,
Нѣжный Адо́нисъ!

„Бейте въ перси, взрыдавъ,
Дѣвы, по немъ!
Рвите хитоны!
Умеръ Адо́нисъ!“..

Плащаницей льняной
Ты повила
Тѣло, богиня!..
О, мой Адо́нисъ!

XXII.

Стань благосклонный предъ нами; ликъ прекрасный
Нашимъ очамъ яви!

XXIII.

Съ неба сходитъ, покрывъ
Плечъ бѣлизну
Алой хламидою.

XXIV.

Видитъ Леда: яйцо,
Снѣга бѣлѣй,
Въ алыхъ лежитъ цвѣтахъ.

XXV.

Молвятъ: можетъ Арей,
Силой своей,
Въ плѣнъ и Гефэста взять.

XXVI.

Съ поднébесья полная свѣтила
Луна,—какъ алтарь обстали жены.

XXVII.

  Критянки, подъ гимнъ,
О́крестъ огней алтарныхъ,
  Взвивали, кружась,
Нѣжныя ноги стройно,
  На мягкомъ лугу
Цвѣтъ полевой топтали.

XXVIII.

САДЪ НИМФЪ.

Вкругъ пещеры Нимфъ, затаенной, влага
Хладныхъ струй шумитъ межъ вѣтвей зеленыхъ,
И съ листвы, колеблемой водъ паденьемъ,
Льется дремота.

XXIX.

БРАЧНЫЙ ПИРЪ.

Напитокъ въ котлѣ
Былъ растворенъ амбросiйный;
Его разливалъ
Въ кубки Гермесъ-виночерпiй
Безсмертнымъ гостямъ;
Полныя чары подъемля,
Они жениху
Здравицу въ ладъ возглашали.

ЭРОТИЧЕСКІЕ ОТРЫВКИ

XXX.

Я нѣгу люблю,
Юность люблю,
Радость люблю
 И солнце.

Жребій мой—быть
Въ солнечный свѣтъ
И въ красоту
 Влюбленной.

XXXI.

КРАСАВИЦѢ.

Близъ луны прекрасной тускнѣютъ звѣзды,
Покрываломъ ликъ лучезарный кроютъ,
Чтобъ она одна всей землѣ свѣтила
Полною славой.

XXXII.

ОЖИДАНІЕ.

Ужъ мѣсяцъ зашелъ; Плеяды—
Зашли... И настала полночь,
И часъ миновалъ урочный...
Одной мнѣ уснуть на ложѣ!

XXXIII.

Въ сердцѣ помысла два,
И двѣ воли... Чего бѣжать?

XXXIV.

Не дубы, налетѣвъ,
Буйный вѣтръ зашаталъ въ горахъ:
Страсть низринулась на́ сердце бурей.

XXXV.

Опять, страстью
Томима, влачусь безъ силъ!
Язвитъ жало;
Горька и сладка́ любовь.

XXXVI.

Мать милая! станокъ
Сталъ мнѣ постылъ,
И ткать нѣтъ силы.

Мнѣ сердце страсть крушитъ;
Чары томятъ
Киприды нѣжной.

XXXVII.

На персяхъ подруги усни,
На персяхъ усни сладострастныхъ.

XXXVIII.

Что мнѣ, ласточка, ты,
Вешняя гостья...

XXXIX.

...Аль кого другого
Больше, чѣмъ меня, возлюбило сердце?

XL.

Какъ ребенокъ за матерью—
Я за тобою...

XLI.

...На кого я взглядомъ
Пристальнымъ взгляну, тотъ и ранитъ сердце.

XLII.

А его въ блужданьяхъ пусть буря мечетъ,
Гонитъ забота.

ИЗЪ ПѢСЕНЪ ПОДРУГАМЪ

XLIII.

...Обрѣла я нынѣ
Сладкій строй, и пѣсню спою подругамъ.
Къ вамъ, прекраснымъ, сердце мое пребудетъ
Ввѣкъ неизмѣннымъ!..

Но восторгъ души охладѣлъ въ подругахъ,
И высокихъ думъ ослабѣли крылья...

XLIV.

Мнится, нѣтъ среди дѣвъ,
  Видящихъ свѣтъ
Солнца небеснаго,

И не будетъ другой
  Дѣвы такой,
Мудрой разумницы.

XLV.

Срокъ настанетъ: въ землѣ
  Будешь лежать,
Ласковой памяти

Не оставя въ сердцахъ.
  Тщетно живешь!
Розы Піеріи

Лѣнь тебѣ собирать,
  Съ хоромъ подругъ.
Такъ и сойдешь въ Аидъ,

Тѣнь безъ лика, къ толпѣ
  Смутныхъ тѣней,
Стертыхъ забвеніемъ.

XLVI.

Не изъ тѣхъ я, что вѣкъ
Памятозлобствуютъ.
Гнѣвъ отходчивъ во мнѣ,
Сердце же кроткое.

XLVII.

Знать, дикарки нарядъ,
  Козій кожухъ,
Взоры плѣнилъ твои?

Не умѣетъ она
  Сто́лы влачить—
И въ кожухѣ мила!

XLVIII.

...Пестроцвѣтный ногу
Сапожокъ обулъ, выписной, любезный
Нѣгѣ лидійской.

XLIX.

Нѣжныя нѣкогда были Лато́ и Ніоба подруги.

L.

Въ годы былые тебя, о Аттида, любила я.

LI.

Дѣвочкой маленькой ты мнѣ предстала, неловкою.

LII.

Что жъ перстенькомъ ты своимъ похваляешься?

LIII.

Да, Аттида! Ко мнѣ охладѣла ты!
Андромеда Аттидѣ одна мила.

LIV.

Дана прекрасная мѣна Андромедѣ.

LV.

Обо мнѣ ты позабыла.

LVI.

Ученицей моей
Ге́ро была,
Въ бѣгѣ проворная.

LVII.

Гиринна, для нѣгъ
Ты рождена;
Но Мнасидика—краше.

LVIII.

Столь строгой ко мнѣ
  Ты не была
Въ прежніе дни, подруга!

LIX.

...Прости же,
Поліанактова дочь! Путь добрый!

LX.

Сладокъ твой голосъ, дѣва!

LXI.

Вспомнитъ со временемъ
Кто-нибудь, вѣрь, и насъ.

LXII.

Да молчитъ въ дому
Служительницъ Музы плачъ!
Пѣть надгробный гимнъ,
Подруги, невмѣстно намъ.

РАЗНЫЕ ОТРЫВКИ

LXIII.

А Л К Е Ю.

Когда бъ твой тайный помыслъ невиненъ былъ,
Языкъ не пряталъ слова постыднаго,—
Тогда бы прямо съ устъ свободныхъ
Рѣчь полилась о святомъ и правомъ.

LXIV.

СВАТОВСТВО.

Другъ, я брачнаго ложа
Не посмѣла бъ съ тобой дѣлить,
Старшей будучи; если жъ ты
Другъ мнѣ, юной ищи жены.

LXV.

ДОЧЕРИ.

У меня ли дѣвочка
Есть родная, золотая,
Что весеній златоцвѣтъ—
Милая Клеида!
Не отдамъ ее за все
Золото на свѣтѣ.

LXVI.

По веснѣ я вѣнки вила.

LXVII.

Милыя, гдѣ же вы?
Долго ли бѣгать мнѣ?

LXVIII.

Вѣстникъ вешней поры, соловей сладкогласный.

LXIX.

Та звѣзда, что въ небѣ всѣхъ звѣздъ прекраснѣй.

LXX.

Нѣтъ ни меду мнѣ, ни медуницы.

LXXI.

Волнистыми складками сто́ла,
Мягкая, нѣжитъ члены мои.

LXXII.

Пиръ горой; и сосудовъ и чашъ не сочтешь.

LXXIII.

...Многоцвѣтныхъ красокъ
Пестрая яркость.

LXXIV.

Бѣлизною—яйца бѣлѣй.

LXXV.

Росъ горохъ золотой на желтѣющихъ склонахъ прибрежныхъ.

LXXVI.

Ночь покровомъ дремы
Очи затмила.

LXXVII.

Есть преданье на Ле́сбосѣ:
Дѣва, рано угасшая,
Гелла чадолюбивая
Къ дѣтямъ по́ душу крадется
        Въ часъ ночной.

LXXVIII.

Ночью долгою сонъ ихъ одержитъ.

LXXIX.

Близится Заря на златыхъ сандальяхъ.

LXXX.

Кто прекрасенъ,—какимъ его видишь, останется;
Но кто добръ,—и лицомъ онъ прекрасенъ окажется.

LXXXI.

Коль доблести нѣтъ,
Бѣдность вѣрнѣй:
Злато—сосѣдъ опасный.

LXXXII.

Ярый ли гнѣвъ въ груди закипаетъ,—
Ты удержи языкъ суесловный.

LXXXIII.

Неприступныхъ небесъ
Гордой главой
Ты досягнуть не мни!

LXXXIV.

Всѣхъ чужеземныхъ пѣвцовъ превосходнѣе лирникъ лесбійскій.

ИЗЪ СВАДЕБНЫХЪ ПѢСЕНЪ

LXXXV.

Стройте кровельку выше—
Свадьбѣ слава!
Стройте, плотники, выше,—
Свадьбѣ слава!
Входитъ женихъ, ровно богъ-воевода:
Мужа рослаго ростомъ онъ выше.

LXXXVI.

„Выдамъ“—отецъ порѣшилъ.

LXXXVII.

Другой дѣвушки такой, зятекъ, не сыщешь.

LXXXVIII.

Невѣстѣ радость, жениху веселье!

LXXXIX.

Къ чему тебя, женихъ милый, приравняю?
Къ молодой лозинкѣ приравняю.

XC.

Добро тебѣ здравствовать, невѣста!
Здравствуй и женихъ достопочтенный!

XCI.

У придверника ноги въ семь са́женъ;
Сапоги—изъ пяти шкуръ бычачьихъ;
Ихъ сапожниковъ шили десятокъ.

XCII.

Вечеръ, все ты сберешь, что разсыпала ясная зорька:
Козъ приведешь и ягнятокъ, а дочь у родимой отнимешь.

XCIII.

Яблочко, сладкій наливъ, разрумянилось тамъ, на высокой
Вѣткѣ,—на самой высокой, всѣхъ выше оно. Не видали,
Знать, на верхушкѣ его? Аль видали,—да взять—не достали?

XCIV.

Свадебку мы сыграли,
Какъ, женишокъ, желалъ ты;
Дѣвушку ты, счастливецъ,
До́былъ, какой желалъ ты.

XCV.

Какъ миловидна ты!
   Какъ очи темны желаньемъ!
Эросъ медвяный свѣтъ
   Струитъ на твои ланиты.
Знакомъ умильнымъ тебя
   Отмѣтила Афродита.

XCVI.

Дѣвства ль жалѣть? Не вернется невинное.

XCVII.

Вѣкъ ли въ дѣвушкахъ вѣковать?

XCVIII.

Дѣвичій цвѣтъ!
Дѣвичій стыдъ!
Какъ безъ тебя жить мнѣ?

— Больше не быть,
Радость, тебѣ
Дѣвушкой красной!

XCIX.

Дѣвичья воля, прости! ты, дѣвственность! Никнетъ, растоптанъ,
Въ горныхъ лугахъ, на пастушьей тропѣ, гіацинтъ пурпуровый.

[C].

(Подражаніе Сафо).

Дѣва, въ томныхъ розахъ стыда и нѣги!
Матери Желаній прекрасный списокъ!
Ждетъ святое ложе; звѣзду торопитъ
Юный владыка.

Ты въ нѣмой чертогъ приведи невѣсту,
Весперъ, къ играмъ сладкимъ съ желаннымъ сердцу:
Да почтитъ жена сребротронной Геры
Милыя узы!

НАДПИСИ

CI.

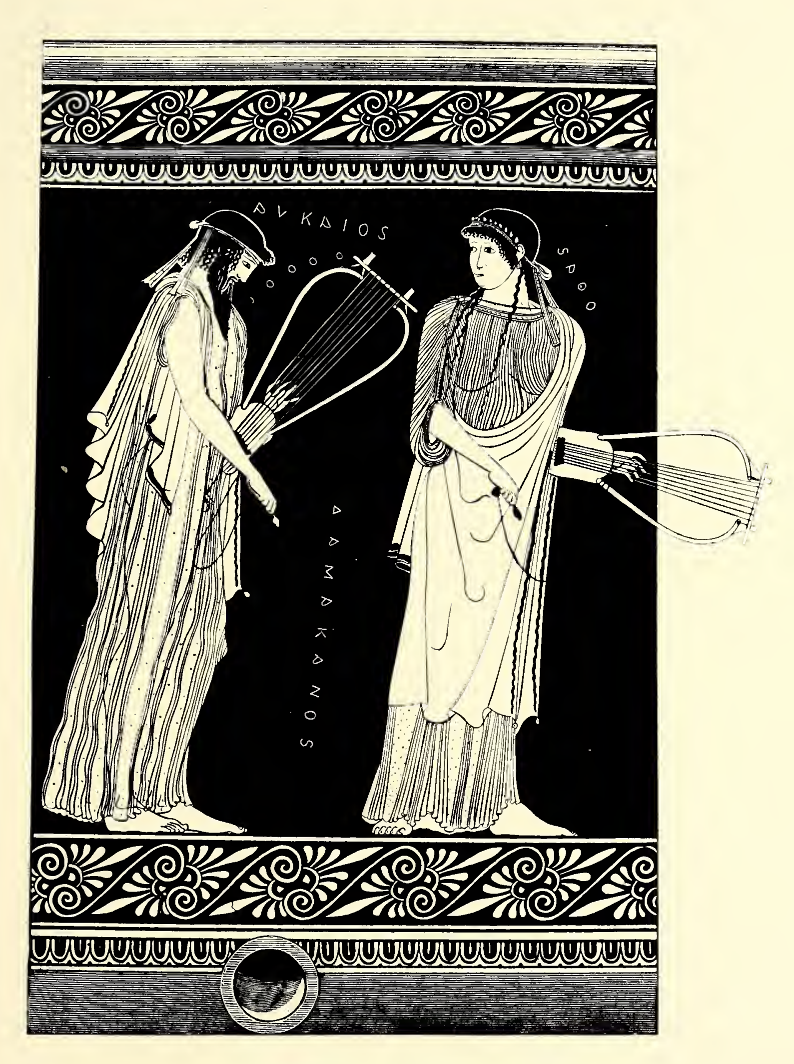
Тѣло Тимады — сей прахъ. До свадебныхъ игръ Персефона
Свой распахнула предъ ней сумрачный брачный чертогъ.
Сверстницы, юныя кудри отсѣкши острымъ желѣзомъ,
Пышный разсыпали даръ милой на дѣвственный гробъ.

CII.

Дѣти! вы спро́сите, кто я была. За безгласную имя
Не устаютъ возглашать эти у ногъ письмена.
Свѣтлой дѣвѣ Латоны меня посвятила Ариста,
Дочь Гермоклида; мнѣ былъ прадѣдомъ Саинеадъ.
Жрицей твоей, о владычица женъ, величали Аристу;
Ты же, о ней веселясь, родъ нашъ, богиня, прославь.

CIII.

Даръ отъ Мениска, отца, на гробъ рыбака Пелагона:
Верша съ весломъ. Помяни, странникъ, его нищету!

АЛКЕЙ и САФО.

НОВЫЕ
ПѢСНИ и ЛИРИЧЕСКІЕ ОТРЫВКИ
АЛКЕЯ и САФО,

ПО ТЕКСТАМЪ ОКСИРИНХСКИХЪ ПАПИРУСОВЪ,

ОБНАРОДОВАННЫМЪ

ВО ВРЕМЯ ПЕЧАТАНІЯ КНИГИ.

The Oxyrhynchus Papyri, part X,
London 1914.

АЛКЕЙ

XXXV.

ѲЕТИДА.

Помнимъ быль вѣковъ: изъ дѣянья злого
Ты взрости́ла плодъ Пріамидамъ горькій,
Троѣ злой конецъ,—ты сожгла, Елена,
Городъ священный!

Не такую встарь изъ свѣтлицъ Нерея
Въ домъ Хирона ввелъ Эакидъ невѣсту;
Не вотще созвалъ всѣхъ боговъ на свадьбу
Съ дѣвой желанной.

Такъ развязанъ былъ благочестно поясъ
Лучшей изъ сестеръ-Нереидъ; невиннымъ
Бракомъ сочетались Пелей съ Ѳетидой,
Чистой любовью.

Полубога въ срокъ родила Ѳетида,
Мощью всѣхъ сильнѣй, браздодержца рыжихъ
Ко́ней огневыхъ. А окрестъ Елены
Гибли фригійцы.

XXXVI.

ГИМНЪ ДІОСКУРАМЪ.

Намъ, съ горы боговъ, изъ отчизны звѣздной,
Кроткій свѣтъ лія, близнецы, явитесь,
Ка́сторъ, Полидевкъ, отъ прекрасной Леды
Отроки Зевса!

Конники, на быстрыхъ коняхъ вы мчитесь
По валамъ морскимъ, по землѣ широкой,
Родъ людской спасая отъ жалкой смерти,
Сильные братья.

Въ непроглядной тьмѣ кораблю сверкнете,
Прянете изъ волнъ по канату къ вышкѣ,—
И со щоглы свѣтъ надъ волненьемъ бурнымъ,
Бѣлый, маячитъ.

XXXVII.

БУРЯ.

. . . .
. . . .
Кидайте все добро въ пучину,—
Только бъ корабль уцѣлѣлъ и люди!

А онъ, усталый грузныхъ удары волнъ
Терпѣть, перечить хлябямъ небесныхъ водъ
И водъ морскихъ, стенаетъ: „Лучше бъ
Мнѣ о подводный разбиться камень!“

Все лише буря мечетъ Корабль родной.
Забвенья сердце хочетъ. За чашею
Найду ль мгновенную отраду,
Милый, съ тобой и съ утѣшнымъ Вакхомъ?

XXXVIII.

НА ПИТТАКА.

Зевсъ-отецъ! Лидійцы златыхъ статеровъ
Двѣ намъ тысячи полновѣсныхъ дали,—
Лишь бы мы вступить попытали счастье
Въ городъ священный,—

Просто вѣря намъ, ни на дѣлѣ дружбы
Нашей не узнавъ, ни военной чести.
Онъ же, лисъ лукавый, сулилъ намъ горы,
Роя лазейку...

XXXIX.

НА ПИТТАКА.

Притоновъ низкихъ былъ завсегдатаемъ;
Опохмелялся въ полдень несмѣшаннымъ;
А ночью то-то шло веселье:
Гамъ безсловеснымъ смѣнялся ревомъ.

Пошелъ онъ въ гору; но не забылъ въ честяхъ
Ни жизни прежней, ни площадныхъ друзей:
Всю ночь о дно глубокой бочки
На перебой черпаки стучали.

Такимъ наслѣдьемъ отчаго имени,
Такимъ ты родомъ славишься: диво ли,
Что дѣтямъ предковъ благородныхъ
Выскочка наглый смѣшонъ и жалокъ?

XL.

НА ПИТТАКА.

Пусть же смердъ, породнясь
Бракомъ съ Атридами,
Жретъ отчизну, какъ встарь
Съ Ми́рсиломъ жралъ ее!

Пусть царюетъ, доколь
Намъ не судитъ Арей
Одолѣнье! Въ тотъ день
Распря забудется,

Отъ страды воздохнемъ,
Отъ сокрушительной
Межусобной вражды,
Злобно посѣянной

Тайнымъ богомъ; она жъ
Весь разорила градъ,
Лишь Питтаку дала
Славу да почести.

XLI.

Ты былъ мнѣ другомъ — сирѣчь однимъ изъ тѣхъ,
Кого послаще потчевать—козочкой,
Молочной свинкою—пригоже,
Какъ не спроста намъ велитъ присловье...

XLII.

Гдѣ въ просторъ морской пурпуро́вой соли
Рѣки съ горъ бѣгутъ, и съ прибоемъ шумнымъ
Рѣзвый рокотъ слитъ, и вскипаетъ устье
Свѣтлымъ буруномъ,—

Дѣвы, любо вамъ—то плескаясь брызги
Взмахомъ рукъ взметать, то струистой влагой,
Какъ слеемъ скользкимъ, у брега нѣжить
Бѣлое тѣло...

XLIII.

КЪ МЕЛАНИППУ.

Что, Меланиппъ, обѣщаетъ намъ тризна плачевная?
Вправду ли мнишь, переплывъ Ахеронта великій виръ,
Нѣкогда въ тѣлѣ воскреснуть и солнца небеснаго
Чистый привѣтствовать свѣтъ? Высоко̀ ты заносишься!
Вотъ и Сисифъ Эолидъ, всѣхъ надменнѣе мудрствуя,
Льстился, хитрецъ, будто Смерти не въ мочь полонить его:
Тщетно лукавилъ и, снова настигнутый Керою,
Дважды, бѣглецъ, переплылъ Ахеронта великій виръ.
Казнью къ тому-жъ покаралъ его Зевсъ и на трудъ обрекъ
Тяжкій, подъ глыбами черной земли. Не надѣйся же,
Къ мертвымъ сошедъ, преисподней покинуть обители.

XLIV.

Намъ судьбины боговъ
    Ни изслѣдить,
  Ни измѣнить нельзя,—

Какъ ни мудрствуетъ умъ,
    Какъ ни хитритъ.
  Безъ изволенія

Божья, вѣрь, ни одинъ
    Не упадетъ
  Волосъ съ главы твоей.

С А Ф О

CIV.

ГИМНЪ ГЕРѢ.

Близко мнѣ предсталъ въ сновидѣньи дивномъ
Образъ, Гера, твой! Въ красотѣ безсмертной
Такъ, владычица, ты явила древле
Ликъ свой Атридамъ,—

Въ оны дни, по долгой страдѣ кровавой,
Какъ, сюда приплывъ съ береговъ Скамандра,
Видятъ воеводы: заказанъ путь имъ
За́ море дальній,

Прежде чѣмъ тебя не прикличутъ съ неба,
Да царя небесъ, да Ѳіоны сына,
Бога сладкихъ чаръ. Съ той годины свято
Правимъ обычай:

Чистыхъ жертвъ тебѣ возжигаемъ дани;
Въ даръ несутъ покровъ самотканый дѣвы;
Женъ, красой лица ненаглядной первыхъ,
Городъ вѣнчаетъ.

CV.

КЪ АНАКТОРІИ.

Что всего на свѣтѣ прекраснѣй? Этимъ—
Конный полкъ; другимъ—пѣшій строй; а третьимъ—
Бранный флотъ. По мнѣ,—что́ всего желаннѣй,
То и прекраснѣй.

Всѣмъ постичь легко эту правду. Мало ль
Видѣла мужской красоты Елена?
Вѣдомъ судъ ея: приглянулся краше
Витязей добрыхъ—

Кто жъ? Священныхъ славъ родовыхъ губитель!
Имъ плѣнясь, она и дитя забыла,
И родныхъ; за нимъ повлеклась послушно,
Страстью палима!

Тѣмъ насъ легче гнетъ подъ ярмо неволи—
Страсть, чѣмъ безразсуднѣй желанье сердца...

Не безумно ль, Са́фо, Анакторію
Дальнюю помнить?

Только бъ разъ мнѣ глянуть на поступь милой,
Лучъ одинъ изъ глазъ уловить желанныхъ!
Что мнѣ колесницы лидійцевъ? Что мнѣ
Всадники въ латахъ?

Знаю рокъ разлуки: нельзя свиданья
Чаять мнѣ; въ запретномъ откажутъ боги.
Сердце все жъ горитъ и, тоскуя, молитъ
О невозможномъ!

CVI.

КЪ ДОРИХѢ.

Горькій ядъ отвѣдала ты Кипридинъ:
Вновь любила ты. А вокругъ шептались:
„Вотъ опять, глядите, пылаетъ нѣжной
Страстью Дориха!“

CVII.

КЪ ПОДРУГАМЪ.

Будетъ день—и къ вамъ, молодыя дѣвы,
Старость подойдетъ нежеланной гостьей,
Съ дрожью членовъ дряблыхъ, поблеклой кожей,
Чревомъ отвислымъ,—

Страшный призракъ! Эросъ, его завидя,
Прочь летитъ—туда, гдѣ играетъ юность:
Онъ—ея ловецъ. Пой же лира, нѣгу
Персей цвѣтущихъ!

CVIII.

КЪ ПОДРУГАМЪ.

Мимолетна младость; но будетъ мило
Вспомнить, какъ иныя придутъ заботы
И даровъ иныхъ мы позна́емъ радость,—
Юные годы:

Ка́къ мы жили, чѣмъ утѣшалось сердце,
Что́ всего подъ солнцемъ казалось краше,
Какъ вѣнки плели, въ хороводахъ пѣли,
Празднуя вышнимъ.

CIX.

КЪ НЕИЗВѢСТНОЙ ПОДРУГѢ.

Ты межъ дѣвъ слывешь Герміоной, дѣва:
Но не дщери ты красотой подобна,—
Нѣтъ!—самой Еленѣ золотокудрой,
Матери дивной,—

Коль не грѣхъ съ богиней равняться смертнымъ...

CX.

КЪ ГОНГИЛѢ.

Гдѣ ты? Мы зовемъ,—покажись, Гонгила!
Млечно-бѣлыхъ волнъ въ окруженьи зыбкомъ,
Какъ прекрасна ты! Развѣваетъ складки
Эросъ крылатый—

И съ фатою, рѣзвый, играетъ. Бьются
Чаще,—лишь мелькнетъ покрывало милой,—
Всѣхъ подругъ сердца. Мнѣ взглянуть—веселье,
Зависть Кипридѣ.

CXI.

КОНЕЦЪ СВАДЕБНОЙ ПѢСНИ.

Пѣли мы всю ночь про твою, счастливецъ,
Про ея любовь и дѣви́чьимъ хоромъ
Благовонно-лонной невѣсты съ милымъ
Славили нѣги.

Но не все жъ тебѣ почивать въ чертогѣ!
Выйди: свѣтитъ день, и съ привѣтомъ раннимъ
Друга ждутъ друзья. Мы жъ идемъ дремою
Сладкой забыться.

LXXXa.

СВАДЬБА ГЕКТОРА и АНДРОМАХИ.

Отрывокъ эпиѳаламы.

Славься, на Кипрѣ рожденная, памятью древнею!
Въ Трою глашатай Идэй приспѣшилъ съ благовѣстіемъ,
Славу гласилъ всей Асійской землѣ вѣковѣчную:
„Гекторъ съ дружиной везетъ на судахъ отъ священныхъ Ѳивъ,
Съ брега плескучихъ Плакійскихъ струй, по́ морю горькому,
Царскую дочь, Андромаху, красу быстроокую.
Взялъ за невѣстой приданаго многое множество—
Паволокъ, злата, запястій, узорочій, пурпура,
Кости слоновой, чеканной серебряной утвари.“
Такъ возглашалъ: подымался проворно Пріамъ-отецъ;
Молвь донеслась до царевыхъ друзей съ хороводныхъ стогнъ.
Живо въ повозки муловъ запрягли, въ быстрокатныя:
Жены на нихъ выѣзжали, да рѣзвый людъ дѣвичій;

Въ царскихъ, опричь, колымагахъ Пріамовы дочери.
Рьяныхъ коней подвели подъ ярмо колесничное
Юноши; ко́ней пустили возницы-ристатели...

Всюду ливанъ добровонный курился по городу.
Жены старѣйшія подняли кликъ ликованія;
Мужи всѣмъ сонмомъ воззвали къ Пэану-Спасителю,
Лирника пѣніемъ славили, мѣткаго Лучника,
Съ нимъ—новобрачныхъ, подобныхъ богамъ-небожителямъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ

КЪ СОБРАНІЮ ЛИРИЧЕСКИХЪ ФРАГМЕНТОВЪ

САФО.

CXII.

Земля пестрѣетъ:
Много надѣла вѣнковъ.

CXIII.

ПОМОЩНИЦА КИПРИДЫ.

Къ своей богинѣ
Ты—проводница, Пейѳó,—
Заводишь въ сѣти
Вкрадчивой рѣчью сердцá.

CXIV.

СВИДАНІЕ.

Здравствуй! Добрый возвратъ!
        Заждалась, затомилась я!
Вся тоской по тебѣ,
        Вся желаньемъ свиданія
Сколько дней я горю,—
        Столько радостныхъ дней верни!

ПРИМѢЧАНІЯ.

Алкей, I. Первая книга Алкея начиналась съ гимна Аполлону; вторымъ слѣдовалъ гимнъ Гермію; первый стихъ перваго гимна гласилъ: „Сынъ отчій въ небѣ, царь Аполлонъ“... Алкеевъ дельфійскій „пэанъ“ (дѣйствительно ли тожественный съ первымъ гимномъ или нѣтъ—рѣшить трудно) дошелъ до насъ въ прозаическомъ пересказѣ Гимерія (Himer. or. XIV, 10). Итакъ, наше переложеніе этой парафразы размѣромъ, опредѣляемымъ сохранившеюся строкою гимна,—не переводъ въ собственномъ смыслѣ, но опытъ условной реставраціи утраченнаго подлинника.

Алкей, XVI. „Бѣсятся псы“—общая характеристика Каникулы. У Алкея этого образа нѣтъ; зато поэтъ называетъ растеніе σκόλυμος, которое, по его словамъ, цвѣтетъ въ описываемую пору года. Повидимому, оно считалось in aphrodisiacis; намекъ не можетъ быть по-русски переданъ тѣмъ же образомъ.

Алкей, XXXVI. Приписаніе „огня св. Эльма“ Діоскурамъ, какъ видимъ изъ этого новонайденнаго отрывка, вовсе не есть обрѣтеніе лишь поздней эпохи культа „братьевъ-спасителей“ (какъ полагаетъ Bethe, у Pauly-Wissowa, Real-Encyklopädie der class. Alt.-Wissenschaft V, Sp. 1097, Z. 12 ff.).—Корабль, кидаемый бурею, у Алкея—аллегорія государства, потрясаемаго гражданскими волненіями (что̀ явствуетъ изъ фрагмента XXXVII); какъ гимнъ Діоскурамъ, такъ и обѣ „Бури“ принадлежатъ къ разряду стихотвореній политическихъ.

Алкей, XXXVIII. Историческія обстоятельства, на которыя намекаетъ поэтъ, не вполнѣ ясны. „Хитрая лисица“, повидимому,—Питтакъ: ему приписываетея двусмысленный образъ дѣйствій въ тѣ дни, когда аристократическая партія Алкея, заручившись отъ лидійцевъ денежною поддержкою, замышляла произвести въ Мити-

ленѣ государственный переворотъ. Ср. къ этому и слѣдующимъ отрывкамъ о Питтакѣ и его отцѣ Wilamowitz, Neue lesbische Lyrik, въ N. Jahrbb. f. d. class. Alterthum, XVIII. Jahrgang, 1915, S. 235 ff.

Алкей, XLIII. Любопытное свидѣтельство популярности мистическихъ (орфическихъ) идей о пакирожденіи, „палингенесіи", уже въ эпоху Алкея. О Меланиппѣ см. стр. 21.

Алкей, XLIV. Провербіальное изреченіе: „и власъ главы вашея не погибнетъ" (Ев. отъ Луки, XXI, 18; отъ Матѳ. X, 30; срв. II кн. Царствъ, XIV, II) оказывается извѣстнымъ въ эллинствѣ уже въ VII вѣкѣ.

Сафо, II. Эта ода имѣла, повидимому, продолженіе, начинавшееся стихомъ:

Что же? Коль и такъ, все терпѣть должна я...

Сафо, XXI. „Плачъ по Адонису"—также опытъ реставраціи путемъ соединенія—отчасти гадательнаго, какъ въ третьей строфѣ,—раздѣльно дошедшихъ фрагментовъ.

Сафо, XXVII. Первоначально переводчикъ думалъ передать H 53 такъ: „въ зеленой травѣ нѣжныхъ цвѣтовъ искали". Потомъ онъ убѣдился въ тѣсной связи H 52 и H 53 и предположилъ въ μάτεισαι преданія атт. πατοῦσαι. Виламовицъ (Sappho und Simonides, Berlin 1913, S. 52 A. 2) защищаетъ указанную связь, но предполагаетъ выпаденіе нѣсколькихъ стиховъ, содержавшихъ переходъ отъ темы пляски къ темѣ исканія цвѣтовъ.

Сафо, XLIII. Это сочетаніе трехъ разныхъ отрывковъ опять лишь условно.

Сафо, LI. Ближайшій переводъ былъ бы: „еще чуждою женственнаго обаянія" (въ смыслѣ: „еще несложившеюся, незрѣлою для брака",—τὴν οὔπω γάμων ἔχουσαν ὤραν).

Сафо, XLIII. Заглавіе „Алкею" основывается на древнемъ преданіи, имѣющемъ за себя лишь историческое правдоподобіе.

Сафо, LXXVII. Два слова подлинника („Геллы чадолюбивѣе") развиты въ небольшое стихотвореніе изъ попутныхъ сообщеній древнихъ комментаторовъ.

Сафо, LXXX и *LXXXa*. Фрагментъ LXXX упраздняется найденнымъ нынѣ полнымъ текстомъ (стр. 230). Оказывается, что рѣчь шла не о пирѣ, а о перечисленіи Гекторовой добычи, взятой за Андромахою. Мнѣніе Виламовица, что эпиѳалама принадлежитъ не самой Сафо, но ея школѣ, не имѣетъ за себя очевидныхъ доказательствъ.

Сафо, CIV. Переводъ по реставраціи Виламовица. Послѣдніе два стиха, добавленные переводчикомъ, объясняютъ мотивъ написанія гимна: при митиленскомъ храмѣ Геры устраивались состязанія женщинъ въ красотѣ.

Сафо, CV. Послѣдняя строфа гадательна.

Сафо, CVII, CVIII. Приблизительное возстановленіе незначительныхъ остатковъ.

Сафо, CXII, CXIII. См. Wilamowitz, Sappho und Simonides, S. 46 A. 2.

Сафо, CXIV. См. ibidem, S. 50 A. 1.

*

Стремленіе сдѣлать собраніе лирическихъ отрывковъ по возможности полнымъ не позволяло жертвовать ни однимъ отчетливо означеннымъ образомъ, ни одною опредѣленно намѣченною мыслью; тѣмъ не менѣе, намъ пришлось отказаться отъ возстановленія цѣлаго ряда фрагментовъ, состояніе коихъ таково, что ихъ передача могла быть лишь произвольно мечтательной.

Заглавія, гдѣ таковыя встрѣчаются, составляютъ примыслъ переводчика.—Для удобства русскаго читателя, непривычнаго къ античнымъ метрамъ, длинный стихъ подлинника часто раздѣленъ на двѣ или даже три строки, соотвѣтствующія его ритмическимъ частямъ (κῶλα).

*

Переводчикъ ограничивается этими нужнѣйшими замѣчаніями. Знатокамъ его точка зрѣнія на чтеніе и смыслъ темныхъ мѣстъ понятна и безъ поясненій.

Ясно и его воззрѣніе на задачу поэтическаго перевода: верховная цѣль послѣдняго — создать музыкальный эквивалентъ подлинника. Таковымъ можетъ быть только переложеніе; оно одно становится имманентнымъ поэтической стихіи языка, обогащаемаго даромъ изъ чужеземныхъ сокровищъ. „Буква умерщвляетъ“; но, жертвуя дословною близостью подстрочной передачи, перелагатель - поэтъ долженъ возмѣстить ее вѣрностью истолкованія.

Ѳ. Ф. З ѣ л и н с к о м у, классическому истолкователю поэтовъ классическихъ, обязанъ переводчикъ благодарностью за цѣнные совѣты.

УКАЗАТЕЛЬ ТЕКСТОВЪ.

АЛКЕЙ.

I.	B 1.2.	—
II.	B 5.	H 2.
III.	B 9.	H 3.
IV.	B*13b.	H*5.
V.	B 18.19	H 6.7.
VI.	B 15.	H 56.
VII.	B 25.	H 74.
VIII.	B 20.	H 8.
IX.	B 37a.	H 42.
X.	B 23.	H 35.
XI.	B*30.	H*14.
XII.	B 33.	H 36.37.
XIII.	B 55.	H 34.
XIV.	B 34.	H 16.
XV.	B 41.	H 44.
XVI.	B 39.	H 43.
XVII.	B 35.	H 17.
XVIII.	B 36.	H 28.29.
XIX.	B 46.	H 72.
XX.	B 57.	H 79.
XXI.	B 53.	H 18.
XXII.	B 44.	H 46.
XXIII.	B 56.	H 87.
XXIV.	B 47.	H 77.
XXV.	B*50.	—
XXVI.	B 42.	H 45.
		O 1233 fr. 32.
XXVII.	B 59.	H 80.
XXVIII.	B 49.	H 59.
XXIX.	—	H 42a.
XXX.	B 93.	H 76.
XXXI.	B 83.	H 47.
XXXII.	B 84.	H 48.
XXXIII.	B*27.	H*12.
XXXIV.	B 113.	—
XXXV.	O 1233 fr. 2.	
XXXVI.	O 1233 fr. 4.	
XXXVII.	O 1234 fr. 3.	
XXXVIII.	O 1234 fr. 1.	
XXXIX.	O 1234 fr. 2 col. II.	
XL.	O 1234 fr. 2 col. I.	
XLI.	O 1234 fr. 2 col. I.	
XLII.	O 1233 fr. 3.	
XLIII.	O 1233 fr. 1 col. II.	
XLIV.	O 1233 fr. 8.	
XLV.	см. стр. 21.	B 32.

С А Ф О.

I.	B 1.	H 1.
II.	B 2.	H 2.
III.	D 1.	
IV.	D 2.	
V.	D 5.	
VI.	D 7.	
VII.	B 45.	H 42.
VIII.	B 84.	H 83.
[IX].	B [26].	H [21].
X.	B 82.	H 81.
XI.	B 60.	H 61.
XII.	B 65.	H 67.
XIII.	B 78.	H 77.
XIV.	B 44.	H 41.
XV.	B 7.*9.10	H 7.*8.9.
XVI.	B 57a.	H 56.
XVII.	B 59.	H 59.
XVIII.	B 87.	H 85.
XIX.	B 74.	H 74.
XX.	B 5.6	H 56.
XXI.	B*62.*63.89	H*63*64.87.
XXII.	B 29.	H 57.
XXIII.	B 64.	H 66.
XXIV.	B 56.	H 65.
XXV.	B 66.	H 68.
XXVI.	B 53.	H 51.
XXVII.	B*54.	H*52.53.
XXVIII.	B 4.	H 4.
XXIX.	B 51.	H 48.49.
XXX.	B 79.	H 78.
XXXI.	B 3.	H 3.
XXXII.	B*52.	H [*50].
XXXIII.	B 36.	H 31.
XXXIV.	B 42.	H 35.
XXXV.	B*40.	H*38.
XXXVI.	B 90.	H 88.
XXXVII.	B 83.	H 82.
XXXVIII.	B 88.	H 86.
XXXIX.	B*22.	H*20.
XL.	B 38.	H 36.
XLI.	B 12.	H 11.
XLII.	B 17.	H 15.
XLIII.	B 11.*14.16	H 10.*12.13.
XLIV.	B 69.	H 70.
XLV.	B 68.	H 69.
XLVI.	B 72.	H 73.
XLVII.	B 70.	H 71.
XLVIII.	B 19.	H 17.
IL.	B 31.	H 26.
L.	B 33.	H 28.
LI.	B 34.	H 29.
LII.	B*35.	H*30.
LIII.	B*41.	H*39.
LIV.	B 58.	H 58.

LV.	B*21.	H*60.
LVI.	B*71.	H*72.
LVII.	B 76.	H 75.
LVIII.	B 77.	H 76.
LIX.	B 86.	H 24.
LX.	B 61.	H 62.
LXI.	B 32.	H 27.
LXII.	B 136.	H 103k.
LXIII.	B 28.	H 23.
LXIV.	B 75.	H 47.
LXV.	B*85.	H*84.
LXVI.	B 73.	H 54.
LXVII.	B*55.	H 103c.
LXVIII.	B 39.	H 37.
LXIX.	B 133.	H 19.
LXX.	B 113.	H 103e.
LXXI.	B 50.	H 33.
LXXII.	B 67.	H 34.
LXXIII.	B 20.	H 18.
LXXIV.	B 112.	H 103b.
LXXV.	B 30.	H 25.
LXXVI.	B 57.	H 55.
LXXVII.	B 47.	H 44.
LXXVIII.	B 43.	H 40.
LXXIX.	B 18.	H 16.
LXXX.	B 101.	H 32.
LXXX*a*.	O 1232 fr. 1. 2.	
LXXXI.	B 80.	H 79.
LXXXII.	B 27.	H 22.
LXXXIII.	B 37.	H 103b.
LXXXIV.	B 92.	H 90.
LXXXV.	B 91.	H 89.
LXXXVI.	B 97.	H 94.
LXXXVII.	B 106.	H 102.
LXXXVIII.	B*103.	H*99.
LXXXIX.	B*104.	H*100.
XC.	B 105.	H 101.
XCI.	B 98.	H 95.
XCII.	B 95.	H 93.
XCIII.	B 93.	H 91.
XCIV.	B 99.	H 96.
XCV.	B 100.	H 97.
XCVI.	B 102.	H 98.
XCVII.	B 96.	H 103a.
XCVIII.	B 109.	H 103.
XCIX.	B 94.	H*92.
[C].	B [133].	—
CI.	B 119.	H 105.
CII.	B 118.	H 104.
CIII.	B 120.	H 106.
CIV.	O 1231 fr. 1 col. II.	
CV.	O 1231 fr. 1 col. I.	
CVI.	O 1231 fr. 1 col. I.	
CVII.	O 1231 fr. 10.	
CVIII.	O 1231 fr. 13.	
CIX.	O 1231 fr. 14.	
CX.	O 1231 fr. 15.	
CXI.	O 1231 fr. 56.	
CXII.	B adesp. 124*a*.	H adesp. 55.
CXIII.	B adesp. 129.	
CXIV.	см. стр. 241.	

B = *Bergk, Poëtae Lyrici Graeci*, v. III poëtas melicos continens, ed. IV. Lipsiae, 1882.

H = *Hiller-Crusius, Anthologia Lyrica,* ed. IV, Teubneriana, 1907.

D = *Diehl, Supplementum Lyricum.* Neue Bruchstücke von Archilochus, Alcaeus, Sappho, Corinna, Pindar. 2-te Auflage, Bonn 1910. (Kleine Texte herausg. von H. Lietzmann, 33.34).

O = *Grenfell* and *Hunt, the Oxyrhynchus Papyri,* part X. Egypt Exploration Fund. London, 1914.

СОДЕРЖАНІЕ.

РАЗНЫЕ ОТРЫВКИ.

САФО.

ОДЫ.

ГИМНИЧЕСКІЕ ОТРЫВКИ.

ЭРОТИЧЕСКІЕ ОТРЫВКИ.

ИЗЪ ПѢСЕНЪ ПОДРУГАМЪ.

РАЗНЫЕ ОТРЫВКИ.

ИЗЪ СВАДЕБНЫХЪ ПѢСЕНЪ.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЛИРИЧЕСКИМЪ ФРАГМЕНТАМЪ

САФО.

ВЪ ТОМЪ ЖЕ ИЗДАНІИ:

АВРЕЛІЙ МАРКЪ. Наединѣ съ собой. Размышленія. Переводъ и примѣчанія С. Роговина, вступительная статья проф. С. Котляревскаго. 2 руб.

АСВАГОША. Жизнь Будды. Древне-индусская поэма. Переводъ стихами К. Бальмонта, вступительная статья Сильвэна Леви. 2 р. 25 коп.

КАЛЕВАЛА. Финскій народный эпосъ. Переводъ Л. Бѣльскаго. 3 руб.

ЛУКІАНЪ. Біографія. Религія. Переводъ подъ редакціей Ѳ. Зѣлинскаго и Б. Богаевскаго. 2 р. 25 коп.

ЛУКРЕЦІЙ. О природѣ вещей. Переводъ стихами И. Рачинскаго. 2 р. 25 коп.

ОВИДІЙ. Баллады-посланія. Перев. стихами, со вступительными статьями и комментаріемъ Ѳ. Зѣлинскаго. 2 р. 25 к.

ПЕТРАРКА. Автобіографія. Исповѣдь. Сонеты. Переводъ М. Гершензона и Вяч. Иванова. 2 р. 25 коп.

СОФОКЛЪ. Драмы. Томъ I. Аянтъ-биченосецъ.—Филоктетъ.—Электра.—Переводъ стихами, со введеніями и вступительнымъ очеркомъ Ѳ. Зѣлинскаго. 3 руб.

СОФОКЛЪ. Драмы. Томъ II. Царь Эдипъ.—Эдипъ въ Колонѣ.—Антигона. Переводъ стихами, съ предисловіемъ и вступительнымъ очеркомъ Ѳ. Зѣлинскаго. 3 руб.

СОФОКЛЪ. Драмы. Томъ III. Трахинянки. — Слѣдопыты. — Отрывки. Переводъ стихами, со введеніями и предисловіемъ Ѳ. Зѣлинскаго. 3 руб.

ѲУКИДИДЪ. Исторія. Томъ I. Переводъ Ѳ. Мищенка съ измѣненіями, примѣчаніями и вступительнымъ очеркомъ С. Жебелева. 3 руб.

ѲУКИДИДЪ. Исторія. Томъ II. Переводъ Ѳ. Мищенка съ измѣненіями, примѣчаніями и вступительнымъ очеркомъ С. Жебелева. 3 руб.

1 р. 25 к.

Тип. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Москва.